

Андрющенко И.А.**УДК 008:130.2****«ОБРАЗЫ» ТРАДИЦИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ БОЛГАР**

Традиция является одной из фундаментальных культурологических категорий. Об огромном интересе к этой проблеме говорят многочисленные теоретические и прикладные исследования в данной области. В нашем исследовании мы рассмотрим «образы» традиций, иными словами – особенности концептуализации традиции в этнической культуре на материале крымских болгар. Для выполнения поставленной задачи необходимо отметить, что термин «концептуализация» в данном случае будет применяться в значении: процедура введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных, совокупность познавательных действий, направленных на систематизацию знаний в определенном поле [9, с.178].

Большинство «полевых» исследований базируется на методологическом принципе восхождения от индивидуальных проявлений к структуре, с последующей интеграцией структуры в социальную целостность. В поисках общего и устойчивого отбрасывается все, на первый взгляд, частное, «случайное», отклоняющееся. Очевидно, что полученная таким путем картина не может претендовать на целостность, так как из нее исключено бесконечное множество индивидуальных образов и представлений человека, причисляемых к несущественным. М.К. Петров сравнил такой подход с рентгеновским снимком, на котором видны сочленения, но исчезает плоть [12, с. 24]. Именно этим, на наш взгляд, объясняется известный каждому исследователю этнической культуры феномен: сумма составляющих не равна исходному объекту, так как за рамки структуры выведены все индивидуальные практики и смыслы каждого поколения.

Для того чтобы понять тот или иной тип культуры, необходимо изучать всю ментальность, все формы общественного бытия, психологические, нравственные, культурные установки. Для нашего исследования особенно важно, что в процессе концептуализации внутри всего множества существующих значений складывается сложная система взаимоотношений отдельных фрагментов исследуемого явления, не обязательно непосредственно связанных между собой. Это позволяет рассматривать концептуализацию в качестве универсального средства теоретического описания исследуемого объекта и позволяет не удалять из номинативного поля концепта ни одного из компонентов.

Понятийный аспект традиции, ее информационное наполнение наиболее исследованы. Не менее важной и, пожалуй, самой этнически окрашенной стороной традиции является ее образное воплощение. Мы обратимся лишь к нескольким образам, которые, на наш взгляд, характерны для культуры крымских болгар.

Выделить «содержательные» признаки этнических традиций очень сложно: они по-разному проявляются в исторической ретроспективе, в условиях быстро изменяющейся социокультурной ситуации. Очевидно, что речь должна идти о поисках неизменных элементов, которые в любой системе координат будут выглядеть специфичными, этнически окрашенными. Очевидно, что речь может идти не о конкретных отдельных ячейках, а об их сочетании, индивидуальной конфигурации. В научной литературе эти элементы принято называть этническими константами. Этнолог С.Лурье ввела термин «генеральный культурный сценарий» для обозначения формируемой ими динамической схемы. Генеральный культурный сценарий задает определенный алгоритм действий человека. По мнению Лурье, алгоритм определяет только формальные характеристики действия, при этом жестко выстраивает сценарий достижения той или иной цели [10, с.116].

Большинство исследователей видит этническое своеобразие не в отдельных элементах, а в их соотношении, взаимодействии друг с другом, актуализации. Следовательно, поиски «образа» традиции в этнической культуре – это попытка зафиксировать особенную конфигурацию характерных для множества носителей культуры элементов.

В блестящей статье профессора Гарвардского университета Светланы Бойм на примере современной литературы рассматривается один из самых ярких образов традиции – традиция как ностальгия. Рожденная как медицинский термин еще в XVII в., ностальгия довольно быстро перешла из разряда заболеваний в распространенную экзистенциальную метафору. Это объясняется довольно просто: на идеализированном представлении о прошлом, его ценностях построены многие культурные практики, которые в определенном контексте называют этническими традициями. По меткому определению С. Бойм, ностальгия – «это утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое, а также проекция времени на пространство. Ностальгия – это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [7, с.2].

В. Малахов также описал данное явление через метафору «ностальгия», выразив ее еще более определенно – «ностальгия по идентичности» [11]. По нашему мнению, именно «ностальгия по идентичности» является лейтмотивом многих современных нарративов (в частности болгарских), связанных с «возвращением к традиции». Несмотря на все попытки быть состоятельной, современная идеология дает трещины, которые обнаруживаются даже на визуальном уровне. В таких условиях актуализируется ценность «прошлого», возвращения к ясно сформированным идеям, известным всем правилам игры, предсказуемости будущего.

В отсутствии полутонов, многослойности, множественности интерпретаций этнические константы перестают быть элементами центральной зоны культуры. Они играют роль внешних атрибутов, без

которых игра возможна, но не столь привлекательна. Эта тенденция наиболее ярко проявляется в возвращении к этническим праздникам, которые долгое время находились на периферии современной культуры или были совершенно утрачены. Праздники не только «возрождаются», но и обрастают инородными, порой чуждыми данной культуре слоями, а иногда и просто конструируются по аналогии с подобными. В подтверждение этой мысли можно привести следующий пример: в Крыму практически утрачен болгарский праздник Трифон Зарезан, посвященный виноградной лозе и отмечаемый 14 февраля. Святого Трифона считали покровителем виноградной лозы и виноградарей. В этот день происходила первая ритуальная обрезка лозы. Сплетенный из нее венок выполнял роль оберега – хранителя плодородия. В 90-гг. XX в., когда «возрождение этнической культуры» приобрело массовый характер, этнографическими центрами инициировалось проведение театрализованного праздника Трифон Зарезан, при этом для создания его сценария потребовалось обращение к источникам по культуре Болгарии, где традиции этого действа сохранились достаточно хорошо. Страх «забывания», описанный Умберто Эко, заставляет людей подменять, заменять, дорисовывать утраченное. По мнению Эко, забывание, как и воспоминание, – процесс активный и активизируемый. Мы забываем не через отрицание вещи, а через размножение имитаций, через псевдосинонимию. Мы забываем тогда, когда не видим потерь, пробелов, заставляющих нас рефлексировать и разбираться в механизме и манипуляции памяти, в связи времен [7].

Понятие ностальгии тесно связано с атрибутикой. Стремление человека выразить свою привязанность к прошлому, утраченному, ушедшему через некие артефакты, обычно приобретает символическое выражение. Это же свойство характерно и для традиционной культуры. Этнически маркированная атрибутика является неотъемлемой частью представления о традиционном в сознании человека. Можно заметить, что часто атрибутика не только символизирует акт приобщения индивида к определенному слою этнической культуры, акт разделения им общих ценностей. Она попросту заменяет собой сознательный акт принятия культурной информации, происходит замещение глубинного внутреннего смысла формальным проявлением. Приведем пример: болгарский весенний праздник Бабы Марты фактически открывал собой «летний сезон» (по народным представлениям, год делился на два сезона: от марта до августа – лето, с сентября по февраль – зима) и символизировал пробуждение природы и начало полевых работ. Ярким этнически окрашенным элементом этого праздника является «мартеница» («мартеничка») – скрученные белая и красная шерстяные нити, которые используют как оберег. повязывают на руку. Объясняющая внешнюю форму и символическое содержание «мартеницы» легенда известна далеко не всем представителям этнической группы. Более того, часто легенда, связанная с почитаемым в Болгарии историческим персонажем ханом Аспарухом, либо подменяется другим вариантом, либо какое-либо объяснение отсутствует вовсе. Исследуя содержательную сторону этнических констант, мы отмечали, что следование традиционным, предписанным действиям очень часто не нуждается в каком бы то ни было объяснении, обосновании. Это как раз то, что на уровне обыденного сознания реализуется в вербальной формуле – «по традиции».

Очевидно, что это не может не отразиться на образах традиции. Так, «синдром навязанной этничности» актуализирует образ традиции, характеризующийся глубокой политизированностью и тесной связью с чувством Родины и гражданской принадлежности. Все эти факторы были бы вполне уместны, особенно на этапе формирования государственности, если не принимать во внимание полиэтничность Крыма как фактор перманентной напряженности. Речь в данном случае идет не только и не столько о взаимоотношениях титульного этноса и национальных меньшинств. На уровне социума эти вопросы должны решаться, прежде всего, в правовом поле.

Поиски образов традиции можно направить и в иное русло. В настойчивом желании все подкрасить и подновить (но не создать новое) проявляется своеобразный комплекс, имманентно присущий многим культурам малочисленных народов или диаспорам. Конструктивист В.А. Тишков охарактеризовал диаспору следующим образом: «это наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине», которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев. Таким образом, в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или тексты и политическую пропаганду...» [16, с. 444].

Приверженность к коллективному мифу может проявляться с разной степенью интенсивности – ослабевать или нарастать. В. Тишков также подчеркивает, что «даже в случае вполне очевидной ассимиляции всегда могут найтись культурные предприниматели, которые возьмут на себя миссию возрождения и коллективной мобилизации, и добьются в этом значительных успехов» [16, с. 444]. Сюда же можно отнести и проекты «изобретенной традиции», анализ которых содержится в культурологическом бестселлере 80-х гг. XX в. – сборнике статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [8]. Отметим, что образ традиции как культурного проекта с разной долей успешности реализуется на конкретной этнической почве, в конкретном социуме и на определенном отрезке времени. В данном контексте речь не идет о культурной предопределенности, а всего лишь о рациональной стратегии с утилитарными целями. Крымские болгары в меньшей степени демонстрируют этот образ традиции.

На наш взгляд, в любой этнической культуре традиция концептуализируется и как «бренд». В данном случае мы понимаем этот термин как применяемое для идентификации уникальное имя, символ или образ; комплекс визуальных, смысловых и ценностных характеристик, придающий им дополнительную, общепризнанную социальную и коммерческую ценность. По нашему мнению, именно этот образ традиции наиболее востребован в современном обществе. Утилитарные цели определяют восприятие традиции как способа получения материальных выгод. С одной стороны, можно говорить, например, о культурно-

этнографическом туризме, развитие которого приносит ощутимую и материальную, и духовную пользу. Стоит отметить, что этот вид туризма уже несколько десятилетий является одним из перспективных направлений развития экономики многих стран и представляет сегодня ее реальный сектор. В Крыму программы по развитию этнокультурного туризма только начинают развиваться и, к сожалению, пока нет единого подхода к ним и серьезного материального обеспечения этих программ. Образ традиции как «бренда» является, по нашему мнению, очень перспективным и в познавательном смысле, так как позволяет отделить отрефлексированные элементы культуры от неосознаваемых или нечетко формализованных. С другой стороны, подобное восприятие традиции размывает те глубинные смыслы, которые заложены в культурных, этнически окрашенных константах. В погоне за более яркой визуализацией этнических особенностей, в процессе их активного продвижения утрачиваются нерелексированные и не имеющие экономической потенции значимые элементы традиционной культуры, и те внутренние связи, которые, собственно, и определяют этническое своеобразие.

Источники и литература:

1. Болгарская культура в веках : тезисы докладов науч. конф. (26-27 мая 1992 г., Москва) / отв. ред. Е. И. Демина. – М. : ИСБ, 1992. – 128 с.
2. Араджиони М. А. Этническая история и особенности традиционно-бытовой культуры народов Крыма : спецкурс / М. А. Араджиони. – Симферополь : ТНУ, 2000. – 32 с.
3. Носкова И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура / И. А. Носкова. – Симферополь : Сонат, 2002. – 152 с.
4. Киссе А. И. Возрождение болгар Украины / А. И. Киссе. – Одесса : Optimum, 2006. – 286 с.
5. Андрющенко И. А. Крымские болгары / И. А. Андрющенко, В. Б. Недева, Т. А. Салистая-Григорян // В крымском доме. – Симферополь, 2007. – С. 53-88.
6. Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея : каталог. – Симферополь : АнтикВА, 2008. – 188 с.
7. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова : [Электронный ресурс] / С. Бойм // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym-pr.html>
8. Винайдения традиції / за ред.: Е. Гобсбаума, Т. Рейнджера; [пер з англ.]. – К.: Ніка-Центр, 2005. – 448 с.
9. Лукашевич В. К. Философия и методология науки / В.К. Лукашевич. – Минск : Современная школа, 2006. – 319 с.
10. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания: опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. – СПб. : Тип. им. Котлякова, 1994. – 286 с.
11. Малахов В. С. Ностальгия по идентичности / В. С. Малахов // Логос : философско-литературный журнал. – 1999. – № 3. – С. 8-12.
12. Петров М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров; вступ. ст. С. С. Неретиной. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.
14. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт. – СПб. : Восточно-Европейский Ин-т Психоанализа, 1995. – 250 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
16. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

Голынский В.Б.

УДК 378.002:75+17.021.2

РОЛЬ УЧЕБНО-ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА

Обращение автора к проблеме учебно-творческой практики в высшей художественной школе, предусмотренной учебной программой в третьем семестре, обусловлено её важнейшей ролью в становлении молодого художника, а также связью с главной в учебном процессе дисциплиной – композицией картины.

Автор статьи анализирует ряд постановок, выполняемых в период летней практики, целью которых является не только получение профессиональных знаний и навыков, но и формирование интереса к культуре, обычаям и традициям народов Украины.

Как правило, во время практики студенческие группы под руководством художников-педагогов, направляются в различные регионы Украины. Крым, Закарпатье, Центральная Украина – это далеко не полный перечень регионов, где проходят практику студенты Национальной Академии изобразительного искусства и архитектуры. В ходе пленэрной практики собирается материал к тематической композиции, ведется работа над пейзажем, выполняются постановки по рисунку и живописи, этюды и наброски, а также ряд других заданий. Программа летней учебно-творческой практики базируется на использовании опыта